

АКСЕЛЬ ПЕТЕРМАНН

Автор бестселлеров Spiegel

ПЕРЕД ЛИЦОМ ЗЛА

УНИКАЛЬНЫЕ
РАССЛЕДОВАНИЯ
ЛУЧШЕГО ПРОФАЙЛЕРА
ГЕРМАНИИ

18+

Портрет психопата. Профайлер о серийных убийцах

Аксель Петерманн

**Перед лицом зла. Уникальные
расследования лучшего
профайлера Германии**

«ЭКСМО»

2012

УДК 343.9:159.9
ББК 67.51+88.3

Петерманн А.

Перед лицом зла. Уникальные расследования лучшего профайлера Германии / А. Петерманн — «Эксмо», 2012 — (Портрет психопата. Профайлер о серийных убийцах)

ISBN 978-5-04-197971-3

Новинка от автора бестселлеров SPIEGEL. Аксель Петерманн 40 лет прослужил в криминальной полиции и расследовал более 1000 дел, связанных со смертью или увечьями. Он освоил передовые технологии работы ФБР и успешно внедрил методы профайлинга в Германии. В своей книге автор-эксперт изучает причудливые сексуальные фантазии маньяка; расследует убийство, которое не смогли раскрыть в течение почти 20 лет; описывает особенности психики убийцы-садиста. Аксель Петерманн отвечает на вопросы о том, что говорят профайлеру о преступниках: - более 30 ран на теле жертвы; - отрезанное у трупа ухо; - кусочки ткани, которыми была связана женщина; - попытки преступника убить жертву несколькими способами одновременно. Этот трукрайм бестселлер дает возможность вместе с самым известным следователем-профайлером Германии шаг за шагом принять участие в расследованиях наиболее сложных и нестандартных убийств из его практики. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 343.9:159.9
ББК 67.51+88.3

ISBN 978-5-04-197971-3

© Петерманн А., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Введение	7
1	12
1	13
2	15
3	19
4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Аксель Петерманн

Перед лицом зла

Уникальные расследования лучшего профайлера Германии

Выражаю благодарность Марцину Кноббе за сотрудничество при написании этой книги.

Все описанные в книге события происходили на самом деле. Имена персонажей и названия мест изменены. Любые совпадения или сходства случайны. Кроме того, все диалоги и высказывания третьих лиц цитируются не дословно, а передаются близко по смыслу и содержанию.

Axel Petermann
Im Angesicht des Bösen
Ungewöhnliche Fallberichte eines Profilers

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 2012 by Rowohlt Verlag GmbH, Reinbek bei Hamburg

© Калинина Л. В., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2024

Введение

Приподнимаемая завесу

Германия. Место действия – большой зал в старинном здании, переоборудованный в аудиторию. Почти семь вечера. До моей лекции еще около получаса. Тем не менее некоторые слушатели уже пришли и расположились в своих креслах. В итоге соберется около трехсот человек, которым я поведаю правдивые истории из моей первой книги: о смерти, грехах, трагедиях и преступлениях. И снова публика очень разношерстная: женщины и мужчины, молодые и старые, прогрессивные и консервативные, пришедшие поодиночке или парами. Разные люди, которых, кажется, объединяет одно: их завораживает Зло. Вглядываясь в лица, задаю вопросом: мог ли кто-то из них оказаться героем одной из моих историй, будь то жертвой или преступником? Насильственная смерть может коснуться любого, независимо от принадлежности к социальному слою или культуре. Зло вездесуще, и в этом зале оно тоже присутствует.

В работе профайлера меня всегда привлекала многогранность зла: я постоянно имею дело с очень непохожими людьми, сталкиваюсь с новыми фактами, с неразгаданными загадками. Я убежден, что моим слушателям тоже интересно все это, и они спрашивают себя: какие еще формы жизни существуют помимо моего собственного космоса? Где они, пределы цивилизованности? Кто смеет их преступать? Когда и почему жизнь трансформируется в насильственную смерть? И самый главный вопрос: почему зло вообще существует? И почему оно вечно?

То, что я наблюдаю за лицами собравшихся в зале, не остается незамеченным. Одни отвечают на мой вопросительный взгляд улыбкой, другие избегают прямого зрительного контакта. Словно чувствуют себя пойманными на том, что хотя бы на один вечер они намерены заглянуть в бездну человеческих грехов. Нелегко признаться самому себе, что зло так притягательно.

Я начинаю свое выступление, и негромкое бормотание на задних рядах сменяется напряженной тишиной. Знаю, что она будет царить до конца лекции, лишь время от времени прерываясь вздохом облегчения, когда я расскажу что-то смешное о себе и своей работе. И я догадываюсь, какие вопросы мне зададут в конце: «Что вас поражает в зле?», «Каждый ли человек может стать убийцей?», «Чем вас привлекает ваша работа?», «Как вы справляетесь с таким психическим напряжением?»

Мне до сих пор нелегко найти ответы на все эти вопросы, даже спустя много лет, в течение которых я часто сталкивался со злом и смертью. Для меня затруднительно дать однозначное определение злу. Может, зло – это умение свободно преступать границы дозволенного и осознанно, в ясном уме идти против добра? Жестоко обращаться с людьми, убивать, а иногда даже получать от этого удовольствие? Или это нечто присущее человеку в принципе? Разве сам он не есть олицетворение зла? Разве в нем не сокрыта бездна, от которой кружится голова. Такое описание злу дал Георг Бюхнер¹. Трудно объяснить, почему зло так очаровывает нас. Почему мы добровольно трясемся от страха перед Ганнибалом Лектером и смотрим фильмы о вампирах и зомби. Хотим прочувствовать на своей шкуре, насколько близко зло способно подобраться к нам? Сколько жестокости и насилия мы готовы вытерпеть? В какой именно момент отведем взгляд? В конце концов, может, нас вновь и вновь успокаивает то, что все это просто вымысел, а не реальность. При этом мы прекрасно знаем, что главный герой, тот

¹ Георг Бюхнер (1813–1837) – немецкий поэт и драматург, представитель революционно-демократической литературы. – Здесь и далее примеч. пер.

самый инспектор, будет рядом. Он возьмет на себя роль морального чистильщика и в конечном итоге одолеет зло. Но достаточно ли этого для того, чтобы заморозить нас? Не является ли зло, по правде говоря, слишком уж поверхностным и скучным, ведь его разрушительное действие никогда не будет столь творческим и непредсказуемым, как сама жизнь во всех ее проявлениях? Так почему же зло никогда нам не наскучивает?

У меня больше вопросов, чем ответов, и я действительно думаю, что в каждом из нас есть как плохое, так и хорошее. Любой подвержен вечному взаимодействию этих двух полюсов. Так что один и тот же человек способен творить добро в одной ситуации и зло – в другой. В нашей повседневной жизни мы сталкиваемся с обеими этими сторонами. Разве мы не пугаемся иногда самих себя, когда наши слова звучат слишком громко, когда нас одолевают ничтожные, а порой и ужасные мысли, когда наши аргументы неуместны и агрессивны? Разве мы не осознаем снова и снова, что невозможно быть однозначно добродетельным? Но значит ли это, что в каждом из нас сидит потенциальный убийца? Может ли определенная ситуация так сильно повлиять на нас, что мы превратимся в преступников?

Несколько десятилетий ученые спорят о том, откуда берется зло. Заложено это в генах, или же человек преступает закон под влиянием социальных факторов? Кто виноват в том, что подобное происходит: природа или общество, в котором он растет, его воспитание, приобретенная система ценностей? Генетическая ли это предрасположенность или вопрос заключается в умении сопереживать, сочувствовать ближнему, в развитости эмпатии? Истина, вероятно, лежит где-то посередине, хотя я по сей день по-прежнему весьма скептически отношусь к тезису о «прирожденном убийце». В конце концов, решающее значение имеют напряженность ситуации и способность справляться с чрезмерно сильными чувствами, такими как гнев, ненависть, негодование, разочарование, отчаяние и любовь.

Как часто я слышал от убийц, что в момент преступления они не узнавали самих себя, казались себе совершенно чужими.

Совокупность различных факторов позволяет человеку контролировать себя в стрессовых ситуациях и не поддаваться спонтанным чувствам. Вместо этого он решает поступить иначе, не так, как ему хотелось сначала. Эта способность удерживает его от соблазна причинить зло.

Все эти умозаключения составляют основу работы профайлера. Моя задача – понять, как и почему кто-то пересек черту. Для меня, как для ученого, преступление – это объект исследования. Поэтому я должен остерегаться оценивать преступника с моральной точки зрения, каким бы чудовищным ни было то, что он совершил. Я хочу понять человека, стоящего за преступлением, поэтому мне необходимо приподнять завесу и столкнуться с ужасом лицом к лицу. Иногда даже приходится проявить определенную долю сочувствия к такому индивиду. Ведь никто не является монстром сам по себе.

Вот почему в своей работе я сознательно избегаю таких слов, как «жестокий», «беспощадный» или «больной». Вы не найдете их и в этой книге. Эти слова – оценка, которой нет места в моей деятельности. Моя цель – выяснить, что произошло и что стало для преступника мотивом. И эту задачу я могу выполнить, лишь оставаясь беспристрастным, субъективное мнение только отвлекало бы меня. Кроме того, объективное расследование – законное право обвиняемого.

Преступник также имеет право хранить молчание и не обязан сотрудничать со следствием, если не желает. Конечно, я всегда надеюсь, что он побеседует со мной, а в идеале еще и даст показания. Но он будет готов это сделать только в том случае, если я создам благоприятную атмосферу для разговора. Преступник должен понять себя и свои мотивы. Это не значит, что я оправдываю его противозаконные действия. Но мне не следует проявлять к нему

антипатии или вести себя несдержанно. Иначе мне пришлось бы отказаться от ведения дела. К счастью, со мной такого никогда не случалось.

Несомненно, есть преступления, от деталей которых к горлу подкатывает тошнота. Конечно, иногда и я не застрахован от того, чтобы испытывать гнев по отношению к преступнику, особенно в самом начале, когда постепенно осознаешь масштаб злодеяния. И, конечно, порой, когда я довольно долго вчитывался в материалы дела, перед моим мысленным взором предстал монстр. Однако спустя время я видел перед собой человека, казавшегося таким же нормальным, как и любой другой, того, с кем можно совершенно свободно общаться. В такие моменты я не забываю, что сделал мой собеседник, но сдерживаю отвращение к произошедшему и не проецирую его на преступника. Поэтому я не смотрю с ненавистью на этих людей, но и не жалею их. Мне только иногда становится грустно, когда я наблюдаю за их судьбой и понимаю, насколько сильно им не повезло в жизни.

Ключевой вопрос заключается в том, почему одни могут контролировать себя в стрессовых ситуациях, а другие нет. В течение многих лет я искал ответ в своей работе и теперь пытаюсь сделать то же самое на страницах этой книги. В этих поисках мне помогает исследование следов преступления. Реконструируя случившееся, я приближаюсь к побудительным мотивам убийцы и таким образом все больше постигаю многогранную природу зла.

В конце лекции меня часто спрашивают, как удается выдерживать подобные вещи – постоянно иметь дело со злом и смертью. Полагаю, у меня это получается только потому, что я веду себя как зритель. Не позволяю судьбе жертвы затронуть меня. Конечно, я хочу и должен узнать все о преступлении. Необходимо понять, почему и как был убит человек. Выбрал ли его убийца намеренно или он стал случайной жертвой. Мне также важно выяснить, кто эти жертвы, как они жили, с кем дружили и чем любили заниматься. Для этого я изучаю биографию потерпевшего, читаю его дневниковые записи и документы на компьютере, опрашиваю множество людей: родителей, партнеров, друзей, коллег. К концу расследования я знаю о жертве больше, чем кто-либо другой. В этот момент я сильно сближаюсь с ней и поэтому, возможно, могу ответить на вопрос о мотивах преступника и причинах убийства.

Но этим мой интерес к жертве ограничивается, и я говорю себе «стоп», когда начинаю испытывать эмоции. Я всегда был очень восприимчивым и в некотором смысле остаюсь таким до сих пор. Раньше я много размышлял о преступлениях, о муках жертв и о горе тех, кто потерял своего близкого. Однако постепенно такое участливое отношение к страданию стало для меня обременительным. Я больше не хотел задаваться вопросом, какое отчаяние испытывал человек, когда понимал, что вот-вот умрет. Не желал представлять, как жизнь пронеслась перед его глазами, прежде чем он смирился со смертью. Моей целью стало как можно меньше сопереживать жертве.

Пишу эти строки, и они кажутся мне очень резкими. Но сформировать профессиональное отношение к преступлению и его жертвам оказалось непростым делом. Я начинал очень осторожно: перестал запоминать имена погибших и вместо этого записывал их в блокнот. Больше не фиксировал в памяти, где именно жили или работали жертвы, если только это не имело решающего значения для идентификации преступника.

Мне было важно снова свободно гулять по своему городу, не вспоминая на каждом углу о смертях и преступлениях. Иначе я бы не захотел здесь жить.

Конечно, такая стратегия сработала лишь отчасти. Некоторые события вы никогда не забудете, несмотря на все попытки и усилия стереть их из своей памяти. Еще в период учебы мне довелось выехать на мое первое дело: это была авария с большим количеством крови. Я потерял сознание и вместе с тяжелораненым пострадавшим был доставлен в больницу. Первым погибшим в моей полицейской службе оказался водитель автомобиля, который на высокой скорости врезался в опору моста, и достать его из искореженной машины удалось лишь

мертвым. Изуродованное тело было доставлено в морг, чтобы выяснить, что явилось причиной аварии – вождение в состоянии алкогольного опьянения или самоубийство.

Я хорошо помню тот морг. За высокой стеной и вечнозелеными хвойными деревьями скрывалось здание, не имевшее ничего общего со стерильностью и чистотой сегодняшних моргов. Грязно-бежевая плитка в помещении была небрежно почищена, и все свидетельствовало о запустении. Насчитывалось всего девять холодильных отделений и три отдельных бокса для заморозки сильно разложившихся трупов, поэтому по выходным большое количество тел лежало неохлажденными и часто обнаженными на металлических носилках или прямо на полу. Не могу сказать, что мое обучение хорошо подготовило меня к этой гнетущей атмосфере.

Потребовалось действительно много времени, чтобы привыкнуть к виду смерти во всех ее проявлениях. Стало легче, только когда я научился воспринимать мертвого, увиденного мной на месте преступления или на столе для вскрытия, не как личность, а как объект уголовного расследования, который может рассказать многое о преступнике и его мотивах. Звучит холодно и бесчеловечно. Но это единственный способ взаимодействия детектива со смертью без губительных для него последствий. В конце концов, в течение «обычного» года я имею дело примерно с 75 смертями.

Когда мне удалось понять, как выстраивать дистанцию между собой и жертвой, моя работа стала намного интереснее. Я вдруг стал замечать следы смерти, которые до сих пор были скрыты от меня. В стремлении узнать больше я много раз посещал судебно-медицинские учреждения. Так я познакомился с методами вскрытия, научился распознавать и интерпретировать травмы. Лицо смерти перестало быть таким пугающим.

Но у меня, наверное, никогда не получится воспринимать смерть как должное. Даже несмотря на то, что я продолжаю тщательно хранить свои впечатления глубоко в «ментальных ящиках» и прятаться за защитными стенами. По опыту многих людей, с которыми мне довелось столкнуться по работе, я вижу, что у них это тоже не всегда хорошо выходит. Некоторые компенсируют эмоции экстремальным поведением. Например, суровая на вид женщина-прокурор из Бремена во время эксгумации достает бутерброд из своей сумочки Louis Vuitton и с набитым ртом принимается рассказывать о своем самом заветном желании на день рождения: утром – сообщение от дежурных об убийстве, днем – тщательное расследование, а вечером – задержание и признание виновного. Или работник морга – практически некрофил, который, что называется, совершенно разучился относиться к смерти с уважением и вместо этого испытывает влечение к трупам, не упуская возможности отпустить пошлую шутку во время вскрытия или осмотра трупа и напугать молодых полицейских леденящими душу подробностями. Или детектив из отдела убийств, который позволяет себе лишь маленький глоток спиртного, чтобы избавиться от привкуса смерти во рту и носу, а потом неожиданно становится алкоголиком. Или коллеги, которые, будучи не в силах больше выносить вид смерти и страданий, вынуждены обратиться за помощью к психотерапевту, переводятся в другой отдел, а иногда и вовсе совершают суицид. Смерть и зло иногда обладают невероятной мощью.

По сей день для меня самая скверная сторона нашей работы – это необходимость общаться с близкими погибших. Тут уже не помогает дистанцироваться от жертвы. Вы сталкиваетесь с глубочайшим, истинным горем.

Часто в обязанности следователя входит информирование родственников о смерти пострадавшего. Тогда он выступает вестником самых ужасных новостей.

И нередко ему приходится полагаться только на собственные силы. Эта обязанность тяжело дается не только молодым и неопытным сотрудникам.

Вот почему две смерти до сих пор не удается запрятать в дальний угол моего сознания. Как будто это было вчера, в памяти всплывают воспоминания о гибели одного русского немца,

который скончался от несчастного случая. Юноше было всего лишь 17 лет. Его голова оказалась зажатой между двумя стенами во время ремонта внешней лестницы. Поскольку тело смогли вытащить только спустя достаточно продолжительное время, я был вынужден успокаивать потрясенных и бьющихся в истерике родственников. Когда покойного наконец доставили в морг и я уже собрался домой, мне позвонил пастор, курировавший семью. Он сообщил, что намерен приехать в морг с матерью погибшего, чтобы она попрощалась с сыном. По его словам, только так она могла поверить в то, что тот действительно мертв. Я пытался объяснить священнику, что это невозможно, что у мальчика слишком сильные увечья. Но все мои возражения не возымели никакого эффекта. В отчаянии я начал смывать кровь с головы юноши и прикрывать раны белыми бинтами и простынями. Я почти закончил, когда женщина вошла в помещение.

В другой раз пострадавшая тоже была из немецко-русской семьи. Одним воскресным днем трехлетняя девочка, играя с братом, решила спрятаться за диваном. Ее голова застряла между спинкой и наклонной стеной, в результате чего малышка случайно удушилась. Оказавшись на месте, я увидел обезумевшую мать, пьяного отца, православного священника и скорбящих представителей общины русских немцев. Все доводы о том, что ребенка необходимо отвезти к судмедэксперту, не помогали. Отец упорно не позволял сотруднику похоронного бюро вынести дочь из комнаты. Он пил стакан за стаканом и становился все пьянее с каждой минутой. Что мне было делать? Как вариант – скрутить огромного мужчину при помощи нескольких полицейских, но, безусловно, это было самым худшим решением. Вместо этого я выкурил с ним несколько сигарет и выпил водки. Акт человечности, как выразился священник, пусть даже он совершен в нарушение инструкций. Тогда мне пришла в голову одна идея: я предложил отцу самому отнести мертвого ребенка к катафалку. Мужчина согласился. Мать завернула девочку в белую простыню, и изрядно пьяный отец торжественно зашагал к катафалку с мертвой дочерью на руках. За ними последовали мать, священник, скорбящие представители общины и я. До сих пор в моих ушах звучит их пение, я вижу пожилых женщин с иконами и отца, который укладывает своего мертвого ребенка в открытый гроб и присоединяется к рыдающей жене. Эта сцена регулярно всплывает в моей голове.

Несмотря на все эти стрессовые моменты, я люблю свою работу. Трудно представить более творческую профессию со столь четкой, но невероятной задачей – объединить вещи, которые поначалу кажутся несвязанными. И дело не только в разнообразии заданий и не в погружении в различные сферы жизни. Суть в привлекательности и притягательности зла, в стремлении выяснить, кто это сделал, в поиске ответа на вопрос «Почему?». Превыше всего это уверенность в том, что потерпевший и его родственники имеют право на то, чтобы преступление было раскрыто, а также желание защитить общество от опасности.

На страницах этой книги я приглашаю вас заглянуть мне через плечо, понаблюдать за моей работой и проследовать со мной по пути в поисках зла. И в конце вы тоже затруднитесь объяснить, что на самом деле представляет собой обыкновенное зло и почему мы так им очарованы.

1

Не ведая жалости Преступление по книге

Дождь барабанит по лобовому стеклу моей служебной машины. Я подъезжаю к складам на Везере. Поднимаю воротник плаща и бегу к реконструированному зданию. Жизнь у реки – вот философия застройки в этом квартале. Сейчас эта фраза приобретает совершенно иной смысл. Промокнув до нитки, добираюсь до бывшего склада. С тех пор как активная работа гавани переместилась в соседний Бремерхафен, где достаточно места для разгрузки и загрузки гигантских современных контейнеров, пустующие складские и промышленные помещения в порту Бремена постепенно превращаются в жилые. Комплекс с отремонтированными «под ключ» апартаментами в стиле лофт, эксклюзивными бутиками, офисами и юридическими конторами спроектирован в соответствии с последними инженерно-строительными требованиями. Побеленные стены и бетонные светло-серые полы. Застекленные мансардные окна и многочисленные точечные светильники на потолке создают в помещениях эффект дневного освещения. Но эта жизнерадостность резко контрастирует с кровавой лужей – ее длина около метра, а ширина почти 40 сантиметров. Лужа темно-красного цвета, кровь уже засохла. Когда здесь была убита женщина по имени Мишель Ройтер, я еще отдыхал в Швеции. Вернувшись из отпуска, я поехал прямо в офис. Дело оказалось затяжным.

1

Мишель Ройтер возвращалась домой в начале девятого вечера после встречи с подругами. Она припарковала свой белый кабриолет в гараже и направилась к лифту. При ней была дамская сумочка и две большие сумки через плечо. Судя по всему, преступник поджидал жертву в маленьком холле перед лифтом и здесь же нанес ей ножевые ранения. Ее пронзительные, сигнализирующие о смертельном страхе крики о помощи вырвали нескольких обитателей жилого комплекса из расслабленной домашней летаргии. Однако лишь спустя несколько минут один из них все-таки решился выяснить причину шума. К своему ужасу он наткнулся на целое «море крови» и, по предположению следователей, спугнул преступника, который тотчас же скрылся.

Вызванные на место преступления полицейские проследовали по следам крови и нашли Мишель Ройтер в маленьком помещении под лестницей, так называемой вентиляционной шахте. Она была уже мертва. Несмотря на многочисленные улики и активное расследование, проведенное убийным отделом, преступление раскрыть не удалось. Из-за тяжелых увечий, нанесенных погибшей, мои коллеги не исключали того, что нападение мог совершить человек, состоявший с жертвой в близких отношениях. Были проверены многочисленные друзья, соседи и случайные знакомые потерпевшей. Но серьезной зацепки так и не обнаружилось.

Высказывалось предположение о том, что до совершения преступления убийцу могли видеть несколько человек из жилого комплекса. Одна свидетельница за день до убийства, это было в районе 21:00, вошла в лифт с незнакомцем и в короткой беседе с ним упомянула, что возвращается с работы. Через день она снова заметила этого человека. На этот раз было около 18:00. Женщина вышла из дома и неожиданно столкнулась с тем мужчиной из лифта. Она придержала для него входную дверь, и незнакомец вошел в дом.

В течение следующих нескольких часов мужчину заметили еще трое жильцов. За одной молодой женщиной этот человек проследовал почти до ее машины. Двух других свидетелей удивило то, что он сначала без видимой цели бродил по подвалу жилого комплекса, а затем интересовался, где расположены мусорные контейнеры. Это было около 19:15, почти за час до смерти Мишель Ройтер. То, что незнакомец и являлся преступником, доказано не было. Однако свидетели, по-видимому, описывали одного и того же человека: мужчину около 30 лет, стройного и невысокого, со светлыми волосами, в очках, джинсах и белой футболке. Никаких особых примет.

Поведение преступника необычно, его мотивы на данный момент необъяснимы. Поэтому я решаю отойти от стандартного метода расследования и вместо этого провести так называемый анализ места преступления. Американский термин «профайлинг» более знаком большинству. На тот момент я работал следователем уже более 20 лет, но с новым аналитическим подходом был знаком немногим больше года, пройдя лишь малую часть обучения. Прежде чем получить квалификацию профайлера, мне еще предстояло преодолеть долгий путь.

Сегодня я уже не возьмусь точно сказать, почему меня так привлекли методы профайлинга. Оказали ли свое влияние впечатляющие исследования об американских серийных убийцах, таких как Эд Гейн, Джеффри Дамер и Тед Банди? Сказался ли интерес к злу вообще – увлечение, знакомое любому, кто любит читать или смотреть детективы? Или же все дело в надежде наконец объяснить поведение некоторых преступников, которое казалось абсурдным, странным или просто непонятным? Наверное, здесь было всего понемногу.

Я понимал, что больше не хочу довольствоваться одной лишь поимкой преступников и получением от них признательных показаний. Мне было важно выяснить истинные причины, по которым они убивали тем или иным способом. Я желал узнать больше о каждом отдельном преступлении и преступнике, а значит, и о неисчерпаемом разнообразии человеческой

психики. Так что для меня как начинающего профайлера убийство Мишель Ройтер стало первым настоящим делом. В то время, правда, я еще был начальником отдела по расследованию убийств. Отдел по «оперативному профайлингу» я возглавлю позже.

Мне пришлось действовать совсем иначе, чем раньше. Свернуть со знакомого пути было непривычным испытанием. Профайлинг строится на трех китах: следы на месте преступления, следы на трупе и личность потерпевшего. Показания свидетелей и улики, оставленные злоумышленником за пределами места преступления, – то, на чем часто базируется типичное расследование убийства, – мало интересуют профайлера из-за существующей при этом субъективности. Исключение составляют случаи, когда речь идет об установлении хронологической последовательности и о составлении характеристики жертвы. Вот для этого мне нужно как можно больше мнений, чтобы составить предельно достоверную картину. Что особенного было в этом человеке? Насколько он был доверчив, как вел себя в опасных ситуациях? Однако в центре интересов профайлера находится место преступления: обнаруженные на нем следы могут рассказать, что именно хотел преступник, насколько тщательно он все спланировал и что в первую очередь побудило его совершить злодеяние.

Чтобы выяснить все это, я задаю себе на месте преступления множество вопросов, которые всегда связаны с оценкой поведения убийцы. Как он вышел на контакт с потерпевшим? Насколько контролировал себя и свои порывы? Насколько агрессивными были его действия? Была ли агрессия умеренной – всего лишь необходимой для преодоления сопротивления жертвы? Или он действовал по обстоятельствам? Какое оружие использовал преступник – собственные руки, колющие или тупые предметы? Принес ли он оружие с собой или нашел случайно, пустив в ход так называемые подручные средства? Когда он нанес ранения жертве: до или после смерти? А может, в момент смерти? Как именно преступник убивал? Сначала задушил, а потом зарезал жертву? Или наоборот? Что насчет сексуального контакта? Был ли он вообще? Если да, есть ли признаки необычных сексуальных предпочтений, таких как фетишизм или садизм? Была ли жертва убийства изнасилована? И что преступник сделал с телом? Он просто оставил его, спрятал или унес куда-то еще? Пытался ли убийца избавиться от таких следов, как отпечатки пальцев или сперма, которые могли бы его идентифицировать? То есть был ли он в перчатках и использовал ли презерватив? Существует много вопросов, на которые я должен ответить, чтобы максимально реалистично реконструировать ход преступления. Есть надежда, что все это поможет мне понять мотив преступления, описать потребности преступника и составить профиль его личности.

2

В запекшейся крови виднеется грубый ромбовидный отпечаток рабочей обуви. Следы от подошв усеяли пол, как штампы, через равные промежутки. Они ведут в глубину помещения. Вокруг лужи наружу расходятся густые капли крови. Узкая дорожка кровавых подтеков ведет к серой стальной двери лифтового холла, к выходу от лифта, к кладовкам и чулану для велосипедов.

Я открываю огнеупорную дверь лифтового холла и попадаю в комнату без окон площадью почти 8 квадратных метров. Неоновые светильники отбрасывают тусклый зловещий свет, две стальные двери ведут в другие помещения. Место напоминает подzemелье.

На полу и на стенах также обнаруживаю следы крови. На работе я уже внимательно изучил снимки с места убийства и фото вскрытия, однако количество этих молчаливых свидетелей свершившегося злодеяния меня шокирует. Я никогда не видел столь яростного проявления жестокости.

Чтобы иметь возможность реконструировать события и понять их суть, мне нужно интерпретировать рисунок кровавого следа. Гнетущая перспектива, которая ждет меня после беззаботного отпуска. Затхлый запах крови не добавляет энтузиазма. В такие моменты трудно сохранять профессиональную дистанцию между собой, преступником и жертвой.

Сложно отделаться от мысли, что несколько дней назад здесь оборвалась молодая жизнь, полная надежд и, вероятно, больших планов на будущее.

На самом деле я не хочу даже представлять, какой смертельный ужас и какие муки должна была испытать эта молодая женщина, прежде чем умереть, несмотря на отчаянное сопротивление.

Стараюсь по возможности не думать об этом и возвращаюсь к своей задаче. Место преступления теперь выглядит совсем не так, как в момент обнаружения тела моими коллегами. Многие предметы передвинуты и лежат иначе. Криминалисты, следователи, фельдшеры или сотрудники похоронного бюро тоже наследили. Тем не менее я уверен, что мне удастся получить ключи к разгадке хода убийства, еще раз внимательно все осмотрев.

В экранизации триллера Томаса Харриса «Красный дракон» есть сцена, в которой очень хорошо показана работа профайлера. Молодой следователь ФБР Уилл Грэм (Эдвард Нортон) появляется на месте преступления. За несколько дней до этого серийный убийца Фрэнсис Долархайд расправился здесь с целой семьей. Глазами профайлера зритель видит пятна крови на стенах и на кровати в спальне. Уилл Грэм фиксирует их, а затем наговаривает на диктофон свои мысли о причине и динамике их появления. Моя работа выглядит примерно так же, только я записываю свои умозаключения не на пленку, а в блокнот. До сих пор этот старомодный метод нравится мне больше других.

Такая работа на месте происшествия, похожая чем-то на медитацию, и раньше была неотъемлемой частью моих расследований, еще до того, как я стал заниматься профайлингом. Я по нескольку раз выезжал туда, где произошло убийство, и внимательно разглядывал следы, иногда задерживаясь на несколько часов. Так мне часто удавалось узнать подробности случившегося. Эти знания я потом использовал на допросах. В случае если подозреваемый давал признательные показания, я мог проанализировать, насколько сильно он фальсифицировал факты в своих рассказах.

Прямо за дверью в лифтовый холл я вижу большую лужу крови, так напугавшую свидетеля. Разрозненные брызги на стене говорят о том, что преступник наносил удары быстрыми, колющими движениями, так что кровь жертвы хлынула из-под ножа. Тяжелораненая Мишель Ройтер, по-видимому, долго пролежала на полу. Однако прежде чем кровь успела свернуться

или высохнуть, женщину проволокли несколько метров, о чем свидетельствует непрерывный след, ведущий ко второй двери. Кровь сворачивается через 3–6 минут и засыхает через 10–15. Преступник протащил женщину через помещение вскоре после того, как ударил ее ножом.

У второй двери на полу тоже образовалась лужа крови площадью около полутора квадратных метров. Из нее буквально вырываются длинные брызги, которые достают до двери, находящейся примерно в полуметре. Я достаточно долго изучаю эту картину, ведь она свидетельствует об особом моменте в ходе преступления: именно здесь преступник не только повредил ножом одну или несколько артерий жертвы, так что кровь хлынула из ран под давлением. Именно здесь он убил Мишель Ройтер.

Внимательно осматриваюсь, пытаюсь найти закономерность в многочисленных отпечатках обуви с грубым протектором. Преступник, кажется, беспокойно метался по помещению. Но почему?

Вытаскиваю из портфеля папку, где хранятся фотографии с места преступления. При взгляде на кадры из лифтового холла у меня возникает мысль: может, убийца хотел замести следы? Не поэтому ли он поставил на кровавый отпечаток две сумки жертвы, прежде чем его спугнул встревоженный жилец? По фотографиям видно, что преступник обыскал и сумки: из одной торчит полиэтиленовый пакет с надписью «En Vogue». На полу на расстоянии метра валяются связка ключей, к которой прицеплен брелок с фотографией, ключ от машины, открытая пачка легких сигарет, серебряная зажигалка и три журнала об искусстве. Я иду по извилистому следу, выхожу из лифтового холла и попадаю в небольшой коридор, ведущий к лифту и кладовкам.

Непрерывающиеся следы волочения свидетельствуют о том, что преступник целенаправленно и без остановок протащил жертву более чем 20 метров в чулан для велосипедов, а затем оставил ее перед дверцей вентиляционной шахты.

Мне приходит на ум сравнение с мертвой дичью, с трофеем, который охотник уносит, чтобы защитить его от хищников. Преступник обошелся с человеком как с куском мяса.

Пятна крови на стене говорят мне о том, что именно здесь убийца прислонил мертвую женщину, затем поднял ее тело и затащил в шахту, расположенную позади. Листаю папку с фотографиями и вижу еще одну особенность места преступления: среди следов волочения валяются несколько окровавленных журналов об искусстве и четыре сложенных листка глянцевого бумажки. Журналы, по-видимому, лежали на трупе во время транспортировки и прикрывали раны. Когда преступник в спешке перетаскивал тело, они соскользнули. Однако что значили сложенные листки, я так и не понял. Два из них были полностью пропитаны кровью, а два других испачкались лишь на уголках. Может, преступник засунул острые концы в рану на шее женщины, чтобы таким образом ее замаскировать? Или так он хотел символизировать еще большее число ножевых ранений? На фотографиях я обнаруживаю третье необычное обстоятельство: в нескольких метрах от дверцы шахты лежит кусок медицинского пластыря шириной с большой палец и длиной около 20 сантиметров. К нему прилипли два черных коротких волоса. Вероятно, они принадлежат Мишель Ройтер. Еще одна загадка, которую мне предстоит разгадать: какова функция пластыря? Может, им фиксировался кляп, который преступник использовал для того, чтобы женщина не кричала? Но, получается, и это намерение убийцы полностью провалилось.

На снимках также замечаю, что помещение, где была найдена Мишель Ройтер, выглядело иначе, чем сейчас. Слева от дверцы шахты стоял прислоненный к стене велосипед. Он мешал оперативникам при осмотре места преступления, и они его убрали. Судя по всему, для преступника велосипед помехой не был. Затем я открываю дверцу высотой всего 120 санти-

метров, ведущую в вентиляционную шахту. Рядом с дверной ручкой – еще четыре смазанных кровавых отпечатка. Могу сказать, что они оставлены рукой в перчатке.

Я перешагиваю через порог высотой почти 60 сантиметров и направляю фонарик в темноту. Глазам требуется время, чтобы привыкнуть к полумраку. Помещение всего 80 сантиметров в ширину и добрых 4 метра в длину. Но я могу встать в полный рост, не доставая до потолка. Осторожно, на ощупь продвигаюсь влево и в конце коридора нахожу проем в стене, ведущий в другое помещение за углом. Глаза начинают слезиться, внезапно ощущаю резкий запах растворителя. Направляю фонарик на пол и вижу две банки с этикетками «Двухкомпонентная система на основе эпоксидной смолы». Это вещество используется для покраски бетонных полов. Одна из банок перевернута, ее содержимое вылилось. Рядом с засохшей синтетической смолой замечаю следы крови – на полу и на неоштукатуренных бетонных плитах прямо у входа. Именно здесь лежало тело Мишель Ройтер, когда его обнаружили.

Едкий запах невозможно выносить долго, и я выбегаю из тесного помещения. Снаружи в чулане для велосипедов снова беру в руки фотографии. Я пытаюсь восстановить в уме последовательность событий: как именно преступник переместил сюда тело? На снимках лицо и волосы Мишель Ройтер перепачканы кровью. Следы смазанные, то есть женщина еще какое-то время двигалась после того, как ей были нанесены удары ножом. Или же это преступник изменил положение тела? Очки без оправы погнуты и сдвинуты на лоб. Все свидетельствует об активной динамике преступления.

Мертвая женщина лежит на спине, правое плечо и голова слегка приподняты и прислонены к стене, правая рука на животе. Ноги разведены в стороны, но согнуты в коленях так, что пятки соприкасаются. На босых ногах – легкие мокасины. Рядом с правой ногой – наручные часы с разбитым стеклом.

На Мишель Ройтер надеты широкие брюки кремового цвета, шов в промежности разорван на несколько сантиметров, так что видны белые трусики. Обе пуговицы на поясе застегнуты, молния раскрыта. Между ног лежит белый вязаный кардиган с вывернутыми наизнанку рукавами. Бывшая некогда бежевой футболка полностью пропитана кровью и задрана спереди.

Обнаженная грудь в крови. При этом на фото видно несколько ран на левой груди и верхней части живота, а также длинный порез на шее справа. Я внимательно рассматриваю снимок через лупу: тонкая серебряная цепочка покойной натянута между двумя углами раны. Она попала туда случайно, когда тело тащили? Или преступник намеренно ее так расположил?

На одном из последних фото замечаю, что на пороге в вентиляционную шахту лежит ключ с частой бородкой – такие подходят к межкомнатным замкам. Это может быть ключ от дверцы. Преступник намеревался запереть эту маленькую каморку, прежде чем изнасиловать беззащитную жертву? Несколько дней спустя, взяв ключ у следователей и вернувшись на место преступления, я обнаружу, что он действительно подходит.

Дальше я иду по окровавленным отпечаткам обуви, которые ведут от вентиляционной шахты на первый этаж. Преступник уверенным шагом прошел мимо сумок Мишель Ройтер, покинув место убийства, миновал парковочные места для автомобилей и служебные помещения, затем достиг соседнего дома и сел в лифт – об этом свидетельствует последний нечеткий след от подошвы, испачканной в крови. Я поднимаюсь на лифте на третий этаж, где расположена незапертая пустая квартира. Криминалисты обнаружили здесь кровь Мишель Ройтер на дверной ручке. Такой след мог оставить только убийца. Но что он тут делал? Мылся или переодевался? Еще одна загадка в этом необычном деле.

Для первого раза достаточно. Прошло несколько часов с тех пор, как я, промокший насквозь, оказался на месте происшествия. Дождь тем временем прекратился, но весь асфальт в лужах. Не спеша иду к близлежащей гавани, сажусь на швартовый якорь и начинаю размышлять над тем, что увидел. Интересно, Мишель Ройтер знала нападавшего или их трагическая встреча произошла случайно? Травмы говорят сами за себя. Удары в лицо, удушение – вот

типичные повреждения, когда пострадавший и убийца знакомы. То, как преступник вел себя после убийства, также свидетельствует о спонтанном выборе.

Бегство часто является первой реакцией преступника, который был знаком с тем, на кого напал.

Иногда убийца устраивает инсценировку и на месте преступления: располагает предметы или сам труп так, чтобы они выглядели как послание, отводя подозрение от него или становясь прощальным приветом некогда любимому партнеру. Но в этом случае все было иначе: перемещение тела убитой в вентиляционную шахту, поставленные рядом сумки, сложенные листки бумаги, медицинский пластырь с прилипшими волосами покойной в следах волочения. Тот, кто действует подобным образом, явно все спланировал. Единственный вопрос: зачем? Говоря терминологией ФБР, это убийство с неспецифическим мотивом, смысл которого знает только преступник и над осуществлением которого он поработал заранее.

3

Эти первые мысли бешено крутились в моей голове, пока я сидел на причале под пасмурным небом. Чтобы сделать какой-то серьезный вывод, мне для начала нужна информация о жертве: каковы были семейные, личные и финансовые обстоятельства Мишель Ройтер? Как женщина проводила свободное время? Относилась ли она к какой-то субкультуре? Когда и где ее видели в последний раз – одну или в компании? Как она выбирала сексуальных партнеров? Контактывала ли с кем-то на интернет-форумах?

Для ответа на все эти вопросы необходимо побеседовать с членами семьи погибшей, друзьями, знакомыми и коллегами. Чем их больше, тем лучше, тогда субъективное мнение отдельного человека не мешает сформировать образ жертвы. Речь идет о целостной картине личности. Кроме того, свой вклад в эту картину могут внести заметки Мишель в ежедневниках, дневниках, письмах или электронных сообщениях. Оценка этой информации требует огромных затрат времени и сил, но оно того стоит. Именно в близких отношениях раскрывается истинное лицо человека. Моя работа – разгадать по возможности самые сокровенные секреты жертвы. В итоге я буду знать больше, чем мать, друг или муж. Это очень ответственная работа.

В последние несколько дней мои коллеги из отдела по расследованию убийств интенсивно поработали над информацией о жизни Мишель Ройтер и над ее биографией. Все, что им удалось выяснить, они поместили в отдельную папку с надписью «Картина личности пострадавшей Мишель Ройтер». Дочь бизнесмена и француженки, Мишель Ройтер выросла за границей и обучалась в нескольких международных школах. Она довольно рано обнаружила в себе любовь к творчеству и искусству. После окончания школы девушка изучала дизайн одежды и живопись в Европе. Девять месяцев назад она вернулась в родной город Бремен и временно жила у подруги. Причины такого решения после изучения документов остались мне неясны, но Мишель Ройтер, вероятно, планировала начать жизнь с чистого листа. Во всяком случае, на допросе одна из ее подруг предположила, что подобное было возможно.

В поисках представительного жилья Мишель Ройтер узнала о проекте жилого комплекса у реки и сразу же влюбилась в идиллию бывшего порта. Почти три месяца женщина являлась одним из немногих арендаторов собственного лофта с видом на реку. В это же время она открыла картинную галерею, где выставлялись работы художников оп-арта² шестидесятых, от Бриджит Райли до Виктора Вазарели.

По всей видимости, уединенность жилого комплекса, в котором многие квартиры пустовали, женщину не пугала. Она признавалась подруге, что рада тишине в доме. Ей нравилось и то, что во дворе всегда находилось место для парковки ее кабриолета. Совета купить баллончик со слезоточивым газом она не послушалась. Говорила, что никогда в жизни ничем подобным не пользовалась. Мишель всегда была дружелюбна и открыта с другими людьми, видела в них только хорошее. «Я последняя, с кем может что-то случиться», – повторяла она подругам.

У нее сложились чрезвычайно теплые и доверительные отношения с родителями, живущими в Берлине, и с братом, который на пять лет старше ее. Также Мишель ладила с бывшими однокурсниками и коллегам из галереи. Они часто созванивались или переписывались по электронной почте. После возвращения в Бремен она по вечерам часто бывала в центре города, где располагались бутики, пабы и уютные рестораны. Там молодая женщина быстро заводила знакомства и иногда по наивности легкомысленно оставляла свой номер телефона. Поскольку Мишель потом сильно удивлялась неожиданным звонкам, подруга посоветовала

² *Оп-арт* (оптическое искусство) – одно из направлений изобразительного искусства середины XX века, основой которого являются оптические иллюзии.

ей поостеречься. Ведь, как девушка отозвалась о погибшей на допросе, «ее привлекательная внешность способствовала тому, чтобы стать объектом желания».

Друг-фотограф сделал для Мишель Ройтер серию снимков. Я смотрю на них и понимаю, что имела в виду подруга: передо мной красивая, миниатюрная, слегка экстравагантная девушка с короткими черными волосами, которая, кажется, осознает, какое впечатление производит. Взгляд дружелюбный и открытый, иногда кокетливый, а затем снова задумчивый. Фотографии были сделаны всего пять недель назад: вот Мишель в галерее, развешивает картины в стиле оп-арт, вот она перед мольбертом, за рулем своего спортивного автомобиля, а вот с растрепанными волосами в гавани, счастливо машет в камеру.

4

Вооружившись полученными знаниями, я еду в Институт судебной медицины, чтобы осмотреть вскрытый труп молодой женщины. Мне нужно спешить – прокуратура уже дала распоряжение передать тело для захоронения. После обеда сотрудник похоронной службы должен забрать покойную. Патологоанатом уже ждет меня. Он прокомментирует протокол вскрытия – объективное документирование факта смерти.

Интерпретация травм и причин смерти является вторым важным столпом в профайлинге.

Чем необычнее повреждения на трупе, тем отчетливее они раскрывают мотивы преступника и дают представление о его психике.

С этим патологоанатомом мы знакомы более 10 лет, я часто работал с ним на месте преступления или стоял за столом для вскрытий. Мы обсуждали вид и время смерти, а также характер травм. Иногда наши мнения расходились, но часто мы разделяли одну и ту же точку зрения. Мне нравился этот человек. Каждый день сталкиваясь со смертью, он сохранял позитивный настрой и преданность своей работе.

Стена почти трехметровой высоты скрывает от любопытных взглядов столетнее здание морга. Тело Мишель Ройтер находится уже не в зале для вскрытий, а в небольшом соседнем помещении. Так называемые полицейские трупы хранятся здесь при температуре 8 градусов по Цельсию. Это люди, погибшие при невыясненных обстоятельствах или неестественным путем. Следователи должны установить причину смерти. До этого момента тело не будет передано для захоронения.

Мы входим в прохладное помещение втроем: судмедэксперт, ассистент и я. Облицованная светлой плиткой комната со столами и шкафами из нержавеющей стали – воплощение сдержанной функциональности. В углу стоят синие ящики и ведра с органами, извлеченными из трупов для гистологического исследования. Его цель – выяснить причину смерти. Мы надеваем тонкие хирургические перчатки. После осмотра трупа я дополнительно продезинфицирую руки – этот ритуал очищения важен для психики. Ассистент открывает холодильный бокс, подталкивает выдвижную подъемную платформу к дверце, вытаскивает носилки с мертвым телом на стеллаж и снимает с покойной белую простыню. На обмытом обнаженном трупе я отчетливо вижу следы преступления и анатомирования: глубокий рубец на шее, зашитый ассистентом, ножевые ранения груди, Y-образный разрез, сделанный во время вскрытия. Патологоанатом использовал скальпель, чтобы рассечь кожу от обоих плеч до грудины, а оттуда перпендикулярно к лобковой области, чтобы вскрыть грудную клетку и извлечь органы.

Я открываю папку с фотографиями и сравниваю снимки с повреждениями, которые вижу на трупе. Мой план таков: понять происхождение всех травм с головы до ног. Судебно-медицинский эксперт обращает мое внимание на мочку левого уха, где он заметил свежий отек. Далее указывает на зашитую рваную рану на затылке. Травма находится выше воображаемой «линии полей шляпы». Этому термину почти 100 лет, он восходит к временам, когда мужчины еще носили этот головной убор. С тех пор судмедэксперты и следователи используют его для установления причин травмы: если она расположена выше линии полей шляпы, то, вероятно, произошла вследствие удара каким-либо предметом. Если травма находится ниже этой линии, то причиной может быть падение. В случае с Мишель Ройтер все очевидно: преступник хотел оглушить ее. На лице убитой я вижу рваные раны на левой брови, на правой скуле и на губе. Они доказывают, что преступник дважды или трижды ударил ее по лицу. Еще я отмечаю раны на руках: оба локтя в синяках, как и тыльная сторона правой кисти. Я разделяю мнение обоих судмедэкспертов: женщина держала руки над головой, защищаясь от ударов. На языке судебно-

медицинской травматологии это называется защитно-оборонительными травмами. Порезанные руки – явное свидетельство отчаянных попыток защититься от ножевых ударов. Человек, активно хватающийся за острое лезвие, чтобы вырвать нож у преступника, отчаянно цепляется за жизнь: Мишель Ройтер очень боялась умереть.

Патологоанатом еще раз озвучивает выводы из предварительного отчета о вскрытии. Чтобы уловить сказанное на особом профессиональном языке, мне приходится сосредоточиться, и я едва успеваю записывать все в свой блокнот:

1. Левая передняя часть шеи: несколько порезов длиной до 15 сантиметров с ровными краями. Начинаются слева от гортани и идут вверх до правого уха. Мышцы шеи разорваны. Повреждена сонная артерия. На щитовидном хряще – 3 ровных, поверхностных пореза.

2. Грудь: 19 порезов. Гематомы. 12 порезов по горизонтали, 7 – по диагонали, идут слева вверх. Раневые отверстия длиной от 1,0 до 2,6 сантиметра. Верхние наружные края раны заострены, противоположные слабо закруглены. Максимальная глубина пореза (задняя стенка перикарда) – 13 сантиметров.

3. Спина: 6 горизонтальных колото-резаных поперечных ран (17 сантиметров). Длина ран от 1,0 до 2,1 сантиметра. Края ран острые.

В какой-то момент я перестаю записывать, чувствуя некоторое замешательство. Поверхностные порезы на горле говорят о том, что преступник не отважился перерезать горло Мишель Ройтер, несмотря на решимость, которую он продемонстрировал, нанося другие травмы. И дело было не в тупом ноже, поскольку по порезам на шее и ладонях видно, насколько он был острым. Может, убийца вдруг засомневался? Что-то остановило его? Мне знакомо такое поведение по другим делам.

Отделение головы или нанесение серьезных травм шеи кажется многим преступникам чем-то вроде табу, так же, как и людям, которые хотят совершить суицид.

Тот, кто посягает на голову, покушается на самое ценное в человеке, ведь здесь расположен мозг, центр жизни, чувств, мыслей. Это то, что делает человека человеком и отличает от других существ. Нежелание трогать эту часть тела иногда преодолевается лишь после нескольких пробных попыток.

Колотые раны груди тоже говорят мне о многом. Преступник нанес жертве как минимум две серии ударов ножом из разных положений. И то, что раны распределены по площади размером с лист бумаги формата А4, тоже свидетельствует о решимости преступника: он хотел убить женщину, потому что 12 колотых ударов были сосредоточены вокруг сердца в области грудины. Предположительно, Мишель Ройтер в этот момент уже была без сознания и не могла защищаться.

Далее патологоанатом поясняет, что все ножевые ранения были прижизненными. Еще он может сказать, как выглядело оружие убийства: «Лезвие очень острое, заточено только с одной стороны, шириной не более сантиметра и длиной не менее 10 сантиметров». Тут мне приходит в голову, что это мог быть складной нож «балисонг», более известный как «нож-бабочка». Рукоять такого ножа состоит из двух половинок, которые поворачиваются на 180 градусов и соединяются с лезвием шарниром. В сложенном положении лезвие скрыто в корпусах рукояти, что исключает вероятность пораниться. При необходимости нож открывается одним взмахом запястья.

Ассистент патологоанатома переворачивает покойную на живот. Удары в спину показывают совсем другую динамику, продемонстрированную преступником. Кажется, они были нанесены в движении, настолько раны рассредоточены по спине. Я представляю, как Мишель

Ройтер убегает, а убийца следует за ней и колет ее ножом сзади. В этот сценарий укладываются следы крови, найденные в лифтовом холле. На правой голени обнаруживаю повреждение кожи. Мы пытаемся понять, что могло стать причиной его появления. У патологоанатома нет предположений. Я вспоминаю едкий запах в вентиляционной шахте. Может быть, растворитель, содержащийся в пролитой синтетической смоле, вызвал химические ожоги, от которых в итоге кожа отслоилась рваными кусками?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.